

СОЦИАЛЬНЫЙ АКТИВИЗМ ТАТАР: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.565-578>

EDN: FWEFWJ

Лидеры татарского общества Москвы в петиционном движении мусульман 1905 года

И.К. Загидуллин

*Центр исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
zagik63@mail.ru*

Резюме. Статья посвящена исследованию общественной активности городской татарской общины Москвы, региональные лидеры этноконфессионального общества которой приняли активное участие в петиционном движении первой половины 1905 г. Целью является выявление особенностей участия татар-мусульман Москвы в политической жизни мусульман России в годы социального раскрепощения в контексте общественно-политической ситуации в стране и жизнедеятельности татарской общины Москвы.

Автором статьи выявлены четыре причины усиления политической активности татар Москвы. Комплексный анализ «Докладной записки о нуждах мусульман», составленной в Москве, по всем затрагиваемым в ней проблемам позволяет констатировать, что она пронизана либеральной идеологией и нацелено на достижение равноправия исламской конфессии с господствующей в империи православной конфессией по ряду принципиальных вопросов, в том числе равноправия в реализации религиозных прав для мусульман на уровне православных подданных – титульного народа империи, в также в гражданской и военной сферах. По сравнению с действующей практикой и существующими общественными отношениями в стране эти просьбы имели политический характер. Благодаря публикации в периодической печати «докладная записка» московских татар способствовала мобилизации единоверцев к участию в петиционном движении. Кроме того, события, связанные с составлением и подачей петиции способствовали консолидации татарских элит Москвы, позволив публично заявить о себе в качестве зрелой общественной единицы в вопросах защиты религиозных прав единоверцев.

Ключевые слова: татары-мусульмане Москвы, петиционная кампания 1905 г., религиозные права, гражданские права мусульман.

Для цитирования: Загидуллин И.К. Лидеры татарского общества Москвы в петиционном движении мусульман 1905 года. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №4. С. 565–578. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.565-578> EDN: FWEFWJ

Leaders of the Tatar Society of Moscow in the petition movement of Muslims in 1905

I.K. Zagidullin

Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

zagik63@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the social activity of the urban Tatar community of Moscow, the regional leaders of the ethno-confessional society of which took an active part in the petition movement of the first half of 1905. The objective is to identify the features of Moscow Muslim Tatars' participation in the political life of Muslims in Russia during the years of social emancipation in the context of the socio-political situation in the country as a whole and the life of the Tatar community of Moscow.

The author of the article has established four reasons for the increased political activity of Moscow Tatars. A comprehensive analysis of *the Memorandum on the Needs of Muslims*, which was compiled in Moscow, regarding all the issues raised in the document, allows us to state that it is imbued with liberal ideology and is aimed at achieving equality of the Islamic denomination with the Orthodox denomination, which was dominant in the Empire at the time, on a number of fundamental issues, including equality in the exercise of religious rights for Muslims at the level of Orthodox subjects – the titular people of the empire, as well as in the civil and military spheres. Compared with the practices that were in force for the time being and the existing public relations in the country, those requests were of political nature. The petition of Moscow Tatars, thanks to its publication in the periodical press, turned into a “public memorandum” that played a significant role in the political education of co-religionists, the formation and development of social and political activity of Russia's Muslim peoples. In addition, the events related to the drafting and filing of the petition contributed to the consolidation of the Tatar elites in Moscow, allowing them to publicly declare themselves as a mature social unit in matters of protecting the religious rights of co-religionists.

Keywords: Muslim Tatars of Moscow, petition campaign of 1905, religious rights, civil rights of Muslims.

For citation: Zagidullin I.K. (2024) Leaders of the Tatar society of Moscow in the petition movement of Muslims in 1905. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 4: 565–578. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.565-578> (In Russ.)

В истории татар периода модернизации большой научный интерес представляет общественная активность городских татарских общин в годы Первой русской революции. Среди них выделяется этноконфессиональное общество Москвы, лидеры которого принимали активное участие в петиционном движении единоверцев в первой половине 1905 года.

Эта тема еще не становилась объектом специального исследования. Тем не менее, отдельные наблюдения по ней имеются. В частности, московский историк С.М. Исхаков первым ввел в научный оборот информацию о состоявшемся в марте (ошибочно указана дата – 8 марта) собрании мусульман города, на ко-

тором были выбраны уполномоченные и составлена петиция (Исхаков, 2007: 113–125). Уфимский историк М.Н. Фархшатов рассмотрел основные положения московской петиции в контексте выявления общих положений в шести выбранных им прошениях мусульман (Фархшатов, 2012: 76–89). Мы же попытаемся дать комплексный анализ «Докладной записке о нуждах мусульман» и других текстов, составленных в Москве, в контексте общественно-политической ситуации в стране, в целом, и жизнедеятельности татарской общины Москвы, в частности.

На рубеже XIX–XX вв. демографическая история татар в Москве характеризовалась ускоренным темпом увеличения численности этноконфессионального общества. Если по городской переписи 1882 г. было зафиксировано 1,5 тыс. татар, то в 1897 г. общее количество проживающих составило 4,2 тыс., а к 1902 г. выросло до 5,9 тыс. чел. (0,5% всего городского населения) (Хайретдинов, 2002: 145).

В городе сложились районы относительно компактного проживания членов этноконфессионального общества, социальный статус и материальное благосостояние его представителей можно было уверенно определять по престижности районов. В Пятницкой части – в старинном купеческом районе – зажиточное татарское купечество занимало дома вдоль Большой татарской улицы и в прилегающих переулках (в 1897 г. – 531 чел.). Сретенская часть, где практически отсутствовали татары-домовладельцы, являлась районом расселения бедноты (945 чел.). В Тверской части (605 чел.) имелась более заметная прослойка. Небольшие группы мещан и крестьян проживали также в Яузской, Пресненской и Серпуховской и некоторых других частях города (Садур, 1987: 28, 32, 33).

Примечательно, что в 1897 г. в списке грамотности по-русски среди этнических меньшинств Москвы татары-мужчины занимали пятое место, женщины – двенадцатое. При этом среди мужчин грамотность на русском языке была выше, чем на родном языке: 15,08% (644 чел.) против 14,18% (603 чел.). К городским частям, в которых средний показатель грамотности по-русски у татар-мужчин была выше, относились: Городской участок (37,2%), Арбатская (30,4%), Мясницкая (21,4%), Мещанская (20,5%), Пречистинская (20,3%), Пресненская (18,2%) и Басманная (17,0%) части (Садур, 1987: 33, 34).

Резкий рост численности мусульман в Москве поставил на повестку необходимость постройки нового богослужебного здания. С этой целью в конце XIX в. в городе был зарегистрирован второй мусульманский приход. В 1893 г. представители прихода – вновь избранный мулла Бедретдин Алимов, мещанин Сабирзян Бакиров, касимовский купец Х. Акбулатов – подали ходатайство московскому градоначальнику о разрешении строительства новой соборной мечети из-за малой вместимости действующего молитвенного дома. Однако разрешение было получено только в 1903 г. (Хайретдинов, Мухетдинов, Маркус, 2008: 12).

Новую соборную мечети построили в 1904 г. в кратчайшие сроки (с мая по ноябрь) на средства крупного мецената Салиха Ерзина при участии касимовских купцов Вагаповых, Кашаевых и представителей торгового люда на земельном участке в Мещанской части города, пожертвованном купцом Хусаином Байбековым (Хайретдинов, 2008: 236). Таким образом, с 1904 г. в Москве функционировали две соборные мечети, первая – под руководством ахуна Хайретдина Агеева, вторая – под руководством муллы Бедретдина Алимова.

В условиях большого города центрами общественной жизни являлись не только мечети, но и дома авторитетных купцов. С конца 1904 г., когда был объявлен указ «О предназначениях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря, в котором российский государь заявил о предстоящих системных реформах в важнейших областях жизнедеятельности населения и органов власти, социальная активность городских мусульман в стране проявилась в проведении меджлисов, собраний, на которых стали обсуждаться различные общественные проблемы.

О проведении такого меджлиса татарскими общественными деятелями Казани 28 января 1905 г., на котором был утвержден текст прошения в адрес имперских структур и избрании уполномоченных для его подачи, московские мусульмане узнали от прибывших в город представителей татарской буржуазии и духовенства Казани. Под влиянием этой новости в начале февраля на собрании мусульман Москвы был утвержден текст петиции, в которой выдвигались требования религиозно-духовного характера (Хасанов, 1965: 82). Однако это прошение не было отправлено по назначению. Полагаем, причиной приостановки явилась подсказка русских переписчиков/юристов, что по действующему российскому законодательству правом по подаче ходатайств в высшие инстанции об общественных проблемах обладают исключительно дворянские собрания, а обозначенные в петиции московских мусульман проблемы требовали пересмотра государственно-исламских отношений.

Усиление политической активности татар Москвы проявилось под воздействием нескольких новых обстоятельств.

Прежде всего, следует отметить подписанный 18 февраля 1905 г. Николаем II именной высочайший указ «О возложении на Совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрения и обсуждения поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Этот законодательный акт впервые распространил политическое право подачи петиций об общественных проблемах в высшие инстанции на все без исключения сословия и этноконфессиональные группы населения Российской империи, предоставил всем заинтересованным лицам возможность легального обсуждения общественно-политических вопросов и привел в движение различные сословные и этноконфессиональные группы населения, которые хотели высказать свое мнение, по вопросам, вызвавшим у них недовольство (Сенчакова, 2000: 5).

Во-вторых, на их социальное раскрепощение позитивно повлиял рескрипт императора министру внутренних дел от 18 февраля 1905 г., которым Булыгин был назначен председателем Особого совещания для разработки проекта положения о представительном институте России (Загидуллин, 2019: 43–44).

В-третьих, воодушевленные указом 18 февраля 1905 г., уполномоченные татарского общества Казани мулла Габдулла Апанаев, купец Ахметзян Сайдашев, потомственный почетный гражданин Юсуф Акчура и юрист Саидгирей Алкин выехали в столицу. 28 февраля они передали прошение мусульман Казани от 28 января председателю Комитета министров С.Ю. Витте, а министру внутренних дел во время аудиенции – новое ходатайство с просьбой привлечь казанскую депутацию к законотворческой деятельности по мусульманскому вопросу (Загидуллин, 2015: 60). Принятие казанской депутации в кабинетах высокопоставленных российских чиновников сигнализировало мусульманской общественности о разительных позитивных переменах в настроениях столичной бюрократии.

Следует также отметить, что к этому времени «докладная записка» казанцев была опубликована в «Каспии» (г.Баку). Полагаем, что ее текст Алимардану Топчибашеву был отправлен по почте одним из доверенных лиц казанцев или Габдрашитом Ибрагимовым, который в январе 1905 г. вместе с Ю. Акчурой запланировал на март в Санкт-Петербурге всероссийский съезд мусульман и по этому вопросу переписывался с редактором газеты «Каспий».

Планы организаторов были сорваны по независимым от них обстоятельствам: в Закавказье произошел азербайджано-армянский конфликт, а в Крыму был проведен общегубернский съезд уполномоченных мусульман для составления единой петиции, что потребовало значительного времени. Таким образом, приезд в столицу представителей Закавказья и Крыма с опозданием помешал проведению в марте первого всероссийского съезда мусульман в столице империи. Тем не менее, следует признать прагматичность этого проекта. В столицу прибывали легитимные члены депутатий и уполномоченные лица, имевшие общественные приговоры об их избрании местными городскими или сельскими обществами для решения общественных проблем единоверцев (Загидуллин, 2019: 133–134).

По нашему мнению, данная инициатива Габд. Ибрагимова и Ю. Акчуры явилась четвертым важным обстоятельством созыва собрания московскими мусульманами по составлению петиции и избрания уполномоченных.

В городах, в которых проживала тысяча и более мусульман, на собрание, посвященное обсуждению текста петиции, традиционно приходило несколько десятков мусульман – наиболее образованная и социально активная часть жителей города. Круг участников общественного мероприятия определяли его инициаторы и организаторы. В отличие от сельских общин и мусульманских обществ в уездных городах, где господствовало влияние приходского духовенства, в крупных и экономически сильных городских общинах в решении общественных вопросов верховодили купцы. Именно по такому сценарию развива-

лись события в Москве по составлению коллективного прошения в высшие инстанции.

2 марта 1905 г. по инициативе попечителя 2-й соборной мечети купца Мирзы Мемета Вагапова и с разрешения московского градоначальника в доме торговца Хусаина Байбекова, расположенном в Сретенской части города, на Цветном бульваре, состоялось собрание мусульман с повесткой составления петиции от имени мусульман Москвы. Избранный путем открытого голосования председатель собрания Мирза Мемет Вагапов предложил собравшимся отправить в высшие инстанции депутацию с ходатайством для выяснения «некоторых нужд мусульман». На обсуждение также был вынесен текст, который был принят с некоторыми дополнениями и уточнениями.

Список участников собрания, зафиксированный в машинописном протоколе собрания от 2 марта и заверенный московским нотариусом Н.А. Ясинским 8 марта, свидетельствует о том, что в мероприятии участвовали мусульмане обоих приходов. Всего 44 человека: имам-хатиб 2-й соборной мечети Мухаммадсафа Бедретдинович Алимов (сын муллы Б. Алимова), по доверенности Торгового дома «Тажитдин Ирмухаметов и К» – член торгового дома Хосян Эксанович Крымов; мещанин г. Касимова Мухаммад-Сафа Сибгатуллин Вергазов; Валей Абрагимович Танеев, касимовский купец Мухамед-Гирей Мусин; Юсуп Хисматуллович Утяганов; крестьянин Тамбовской губернии Тамбовского уезда Нажмиддин Енгулатов; крестьяне Касимовского уезда Ибрагим Карамышев и Мухаммад-Амин Акмаев; крестьянин Казанской губернии Махмуд Урманчеев, мещанин Аббас Бастанов, Хусяин Дашкин; Хассан Сарби Айвазов; Муся Алаудинов, Шакир Давлетшинов; И. Лаишев; Хайрулла Лаишев; потомственный почетный гражданин Мухаммад-Алим Девишев; касимовский мещанин Мухаммаджан Девлядиниярович Ишимбаев; торгующие по свидетельству 2-го разряда Мухаммад-Амин Кашаев и Мухаммад-Рахим Розванович Байтеряков; торгующий по свидетельству Мухаммад-Шариф Хамзин Бахтюзин; Арифилла Хабибуллин; московский купец Хусаин Байбеков, губернский секретарь Мухаммадзахид Шамиль, Аксян Исаев Мансуров; Зияэтдин Фаизов; Ахмеджан Шамсединов Карамышев; московский мещанин Ахмеджан Мусаев; член торгового дома «Х. Акбулатов с сыновьями» М.Ф. Акбулатов; крестьянин Казанской губернии Ф. Богаутдинов; московский мещанин Абдулла Девлядиниярович Мусаев; крестьянин Тамбовской губернии села Азеево Абдулла Танеев; касимовский купец Мухаммадрахим Вергазов; касимовский мещанин Ибрагим Лапков; бухарский подданный Камильджан Хакимджанов; попечитель 2-й мечети Мирза Мемет Вагапов; И.А. Бикеев; Валей Янбаев; Хасан Бекеев; Фатих Таканаев; Бакий Байчурин; Хайрулла Тугеев; Шакир Бекеев (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 107. Л. 25–25 об.). (Этот список был приложен к утвержденной на собрании «докладной записке» – прим. авт.).

Из числа подписавшихся мусульман только двое отметились по-татарски, остальные – по-русски, что свидетельствует об интегрированности в русское культурное поле большинства участников собрания.

Второе важное наблюдение – на собрании присутствовали главным образом мусульмане Волго-Уральского региона и центральной России. Участниками собрания являлись коренные москвичи и уроженцы Касимовского уезда Рязанской губернии, Тамбовской и Казанской губерний. Исключение составляли двое. Бухарский подданный Камильджан Хакимджанов, который мог оказаться на собрании случайно, придя в дом купца Байбекова по своим делам, или же был приглашен хозяином дома по принципу религиозной солидарности.

После женитьбы на дочери касимовского купца Хадиче Хусаиновне Байбековой Мухаммадзахид Шамиль – внук имама Шамиля от его сына Мухаммадшафи от первого брака – жил в Москве (Исхаков, 2008: 295–296). Мухаммадзахид присутствовал на собрании не только как равноправный член семьи купца, но и как компетентный специалист российского делопроизводства.

Текст решения собрания был оформлен как «Докладная записка о нуждах мусульман» со всеми клаузулами.

Среди более 500 прошений мусульман, поступивших в 1905 г. в высшие инстанции, предисловие машинописной московской петиции является по содержанию наиболее патриотичной и верноподданнической, в чем, безусловно, заслуга составителя окончательного варианта документа.

Подача петиции объясняется как отклик на слова царского манифеста от 12 декабря 1904 г., которые:

всколыхнули верноподданнические сердца русских граждан и озарили их счастливой надеждой на обновление нашего великого отечества по пути, указанному возлюбленным монархом, державным вождем Российского государства.

Выражается уверенность в том, что благомыслящие люди обратятся

к содействию правительству словом и делом в святом деле отстаивания внутренней и внешней мощи родины», «за выяснение назревших сообразно потребностям времени нужд населения, удовлетворение коих должно дать нам внутренний мир и благоденствие, столь необходимые для величия империи, ее моральной и физической стойкости на славу нашего народа и на страх врагам.

Ниже излагаемые в конкретных пунктах просьбы именуются как «недочеты в правовой жизни мусульман, которые [...] составляют нежелательное разделение между нами и коренным русским народом»

В твердом уповании, что и на нас, магометан, падет свет законности и справедливости, мы, по мере сил своих, постараемся в нижеследующем выяснить наши просьбы, смиренно подносимые к подножию трона

– этими словами законопослушных подданных завершается вводная часть «докладной записки».

Текст петиции по содержанию положений условно можно разделить на несколько частей. Первая касается повышения статуса религиозно-культурной автономии мусульман округа Оренбургского мусульманского духовного собрания (ОМДС). В целом, большинство предложений петиции направлено на усиление ОМДС: законодательное закрепление избрания муфтия и казыев Собрания «на определенное число лет (не более пяти лет)» с тем, чтобы они соответствовали «всем требованиям нравственности, образования» и умели «входить в нужды народа» (п. 1); сосредоточение в исключительном ведении Духовного собрания решения семейно-брачные вопросов и деления наследства и передача в его компетенцию новых полномочий (единоличное разрешение постройки мечетей, открытия мектебов и медресе, определение в эти школы учителей, управление вакуфами, как в округе Таврического магометанского духовного правления) (пп. 2, 3).

На этом фоне выделяется положение о необходимости введения законодательного механизма удаления от должности приходским обществом местного духовного лица в случае нарушения им своих обязанностей и при безнравственном поведении (иначе они, «пробыв некоторое время на своей должности, становятся в высшей степени заносчивыми и дерзкими в отношении к пастве»): составленный местным обществом приговор об удалении должен быть непременно принят во внимание ОМДС (п. 1):

Другая часть положений характеризуется необходимостью повышения социально-правового статуса мусульманского приходского духовенства, используя механизм уравнивания в правах исламских институтов с аналогичными учреждениями РПЦ: (1) рассмотрение судебных дел мусульманских духовных лиц в общих судах, а не в крестьянско-волостном; (2) предоставление им звания личного почетного гражданина, что возвысило бы муллу в глазах народа: мусульмане относились бы к нему «с почтением и уважением» и перестали бы смотреть «как на равного», и (3) распространение на них льготы по воинской повинности (п.6).

Ряд изложенных в «докладной записке» вопросов имел прямое отношение к гражданскому равноправию мусульман Волго-Уральского региона, который был составлен с учетом жизненной практики. Для отстаивания «правды и веры», просили: «чтобы всякие рассуждения о религии магометанской, о текстах Корана и т[ому] п[одобное] не подвергались светской цензуре, а рассматривались исключительно составом Оренбургского мусульманского духовного собрания» (п.4).

Обращалось внимание на несправедливое положение группы мусульман, предки которых были крещены и зарегистрированы христианами, хотя они сами продолжали исповедовать ислам. Решение виделось в помощи государства «разрешить им открыто и без боязни исповедовать ислам и быть записанными в среду мусульманского общества». В качестве следующей злободневной темы исламо-христианского пограничья указывалось пресловутая практика администрации, которая всех подкинутых детей, «представляющих все признаки расо-

вого мусульманского происхождения», не позволяла их регистрировать мусульманами (п.5).

Следующие важные моменты, на которые обратили внимание москвичи, имеют отношение к системе образования: 1) разрешить мусульманам открывать профессиональные и общеобразовательные образовательные учреждения и организовать обучение в них на родном языке учащихся; 2) вводить в русских учебных заведениях в местностях компактного расселения мусульман преподавание ислама в те часы, когда ученикам христианского вероисповедания преподается Закон Божий, а в случае, если в классе обучаются не менее 5% мусульман, то этот предмет должен быть обязательным; 3) надзор за преподаванием и воспитанием в общеобразовательных и профессиональных школах должен быть поручен образованным мусульманам (п.7).

Не затрагивая вопрос лишения русской православной церкви миссионерской деятельности, просители ходатайствовали законом «карать таких миссионеров», которые с целью крещения единоверцев «прибегают к подкупам, льстивым обещаниям, а подчас и угрозам» (п.8).

Один из пунктов «докладной записки» посвящен необходимости соблюдения религиозных прав мусульман-военнослужащих (организация их питания с учетом норм шариата и дозволение совершать в мирное время пятикратный намаз под руководством солдата, знающего богослужебный ритуал (п.9)).

Помимо ликвидации неравенства в духовной сфере, еще один блок вопросов имел отношение к достижению равноправия в гражданской жизни. Речь шла о запрещении татарам приобретать недвижимость в Туркестане, стеснении мусульман в отношении «торговли, общественной деятельности и в выборе занятий свободными профессиями»:

Между тем мусульмане стремятся быть полезными и государству, и царю, полагают свой живот за престол и отечество, и посему им следует предоставить одинаковые права гражданские с православными подданными и сравнивать их с последними на государственной службе и по отбыванию воинской повинности», – указывали москвичи, выражая свое искреннее стремление стране, подчеркивали «готовность стойко и храбро защищать отчество от внешних посягательств», напоминали, что «не раз доказывали и ныне доказывают свою преданность престолу и Отечеству.

Важным критерием нового в политическом поведении просителей правомерно указать появление в тексте предложения о необходимости приглашения представителей мусульманского общества на совещание под руководством министра внутренних дел Булыгина, учреждаемого по рескрипту императора от 18 февраля 1905 г., призванного разработать механизм внедрения института представительства в государстве (РГИА. Ф. 1276, Оп. 1. Д. 107. Л. 21–24).

Резюмируя, отметим, что при вежливом тоне и верноподданнических и патриотических интонациях «докладная записка» москвичей была пронизана либеральной идеологией и нацелена на достижение равноправия исламской

конфессии с господствующей в империи православной конфессией по ряду принципиальных вопросов, в том числе равноправия в реализации религиозных прав для мусульман на уровне православных подданных – титульного народа империи, а также в гражданской и военной сферах. По сравнению с действующей практикой и существующими общественными отношениями в стране эти просьбы имели политический характер.

Пункты «докладной записки» москвичей, касающихся расширения полномочий Духовного собрания и повышения статуса приходского духовенства, предоставление религиозной свободы отпавшим в ислам крещеным татарам, протесты против оскорбления ислама и деятельности православных миссионеров повторялись в большинстве прошений мусульман. Особенными следует назвать пункты об избрании членов и председателя религиозного управления; легализации вакуфов; подкинутых младенцах мусульман; введении преподавания основ ислама для мусульман, обучающихся в русских учебных заведениях; открытии единоверцами общеобразовательных и профессиональных образовательных учреждений с преподаванием на родном языке; неравноправии в гражданской жизни. По обозначенным выше темам замечается схожесть с положениями петиции мусульман Казани от 28 января 1905 г. (Загидуллин, 2015: 54–59). При сравнении с прошениями, поданными до середины марта 1905 г., новыми моментами являются положение о выработке действенного механизма удаления дискредитировавших себя приходских духовных лиц и отсутствие пункта об отмене «Правил для установления образовательного ценза для лиц магометанского исповедания по округу Оренбургского духовного собрания», высочайше утвержденных 11 октября 1890 г.

В состав московской депутации для поездки в столицу были избраны мулла мечети Бедретдин Мухамедалимович Алимов, который не присутствовал на собрании, купец Хусаин Мусаевич Байбеков и его зять – губернский секретарь Мухаммадзахид Шамиль. Он был продуман основательно. При нехватке выделенной собранием на путевые расходы 300 руб., финансовый вопрос решал авторитетнейший представитель московских татар купец Х. Байбеков, мулла Б. Алимов во время аудиенции олицетворял исламского священнослужителя общины, Мухаммадзахид Шамиль, имевший опыт чиновничьей службы, был востребован во время общения со столичными бюрократами.

9 марта 1905 г. московская депутация была принята С.Ю. Витте. Она также встречалась с министром внутренних дел А.Г. Булыгиным, председателем Совещания по составлению нового устава о печати Д.Ф. Кобеко (Исхаков, 2007: 116).

В марте из разных городов и уездов в столицу стали пребывать депутации местных мусульманских обществ. По свидетельству Г. Исхаки, прибывшие в Санкт-Петербург представители мусульман Поволжья, Приуралья, Туркестана, Сибири знакомились друг с другом, устраивали меджлисы, на которых обсуждали проблемы этих территорий (Исхаков, 2007: 81).

Благодаря своей инициативности московская депутация первой оказалась в орбите внимания лидеров русских либералов. Текст петиции москвичей был опубликован в их периодическом органе – газете «Сын Отечества» от 20 марта 1905 г. (Нужды мусульман, 1905: 1–2).

Петиция москвичей как нельзя лучше вписывалась в реализуемый по решению второго съезда «Союза освобождения» (Санкт-Петербург, 20, 21 и 23 октября 1904 г.) проект русских либералов о создании в стране «общественного мнения», под влиянием которого должно было произойти ускорение политической реформы в государстве (Шацилло, 1985: 267).

29 марта 1905 г. петиция москвичей вышла в свет в газете «Каспий» (г. Баку) (Исхаков, 2007: 11). 29 марта, исключив преамбулу «докладной записки», ее опубликовал И. Гаспринский в газете «Тарджеман» (Петиция московских мусульман, 1905). Примечательно, в публикации не был указан источник перепечатки текста, как это было сделано при размещении две недели ранее прошения казанской депутации. Очевидно, что кто-то из членов московской депутации отправил по почте копию «докладной записки» в редакцию газеты в г.Бахчисарай.

Таким образом, благодаря публикации в периодической печати «докладная записка» московских татар способствовала мобилизации единоверцев к участию в петиционном движении.

Опубликованные тексты прошений внимательно изучались единоверцами. В частности, уполномоченные общины г. Перми, ранее подававшие ходатайство, в своей телеграмме от 30 марта 1905 г., адресованной председателю Комитета министров, сообщали, чтобы их включили в число мусульман, «разделяющих пожелания», изложенные в петициях Казанского и Московского обществ (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 20, Л. 218).

Оренбургский муфтий М.Султанов находился в Санкт-Петербурге, когда в столицу прибыла московская депутация. Во время встречи с председателем Комитета министров С.Ю. Витте он получил разрешение на созыв совещания улемов и разработку нового устава ОМДС для передачи в правительство.

Созвав авторитетных духовных лиц из различных регионов и обеспечив широкий географический охват, Султанов намеревался придать мероприятию легитимность как собранию ученых мулл, улемов и презентовать перед правительством и мусульманской общественностью проект устава ОМДС не в качестве проекта религиозного управления, а от имени интеллектуальной элиты мусульманского сообщества. На телеграмму муфтия откликнулось около 2/3 приглашенных, в том числе ахун первой соборной мечети Москвы Хайретдин Агеев.

В числе участников курултая оказалось 39 имамов, из них 27–30 были приглашенными, остальные прибыли в Уфу по делам или по своей инициативе специально, зная о запланированном мероприятии. Географически регион проживания участников совещания охватывал не менее 18 губерний и областей. Из числа прибывших 25 имамов служили в городских мечетях. По два имама пред-

ставляли губернские города Казань, Оренбург и Уфа, по одному – Томск, Москва, Самара, Саратов, Пермь, Уральск, Семипалатинск и Санкт-Петербург. Из уездных городов Верхнеуральск (Уральская обл.) приехали два имама, по одному – из Касимова (Рязанская губ.), Петропавловска (Омская обл.).

Московский ахун Хайретдин Агеев 10–15 апреля 1905 г. принимал участие в курултае улемов в Уфе. На нем был выработан проект нового устава Духовного собрания, основанный на равноправии религиозных прав мусульман с титульным населением империи и регламентирующий права и полномочия институтов обновленной религиозно-культурной автономии в Волго-Уральском регионе и Сибири. Текст проекта устава, переведенный на русский язык, был отправлен в Комитет министров 12 мая 1905 г. (Загидуллин, 2018: 204–216).

Таким образом, участие лидеров татар-мусульман г. Москвы в петиционной кампании выразилось в составлении петиции – «докладной записки», адресованной вышестоящему органу и содержащей обстоятельное изложение проблемы с выводами и предложениями, которая является интересным памятником татарской общественной мысли начала XX в.

Уполномоченные общины в качестве доверенных лиц мусульман второй столицы империи встречались с государственными деятелями, во многом определяющими в тот переломный момент истории России внутривластный курс государства. В личной беседе они сообщали им узловые проблемы мусульманского сообщества страны, требующие пересмотра на законодательном уровне.

Публикация «докладной записки» татар Москвы в российской прессе придала ее тексту статус «политического меморандума». Благодаря обращению к русским либералам петиция москвичей первой из мусульманских прошений была напечатана в газете «Сын Отечества». Тем самым она внесла посильный вклад в формирование «общественного мнения» многонационального и поликонфессионального населения империи с претензиями на российскую бюрократию на свое ущемленное правовое положение, которое либеральные круги использовали в качестве политического рычага давления на имперские структуры для ускорения политических и социальных реформ в стране. Публикация в русскоязычной «Каспии» ознакомила мусульман Закавказья с требованиями татарского общества Москвы и нуждами единоверцев Волго-Уральского региона. Размещение пунктов «докладной записки» на татарском и русском языках в «Тарджемане» сделало требования татарского московского общества достоянием всех ее подписчиков – татарских джадидов, сыграв важную роль в их политическом просвещении и, очевидно, дав импульс к участию в петиционной кампании.

В целом, события, связанные с составлением и подачей петиции способствовали консолидации татарских элит Москвы, позволив публично заявить о себе в качестве зрелой общественной единицы в вопросах защиты религиозных прав единоверцев.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Нужды мусульман // Сын Отечества. 1905. №26. 20 марта.
Петиция московских мусульман // Тарджеман. 1905. №24. 29 марта.
РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 15.
РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 20.
РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 107.

ЛИТЕРАТУРА

- Загидуллин И.К. Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг. Казань: ООО «Центр инновационных технологий», 2019.
- Загидуллин И.К. Петиции мусульман Казани 1905 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. №1–2. С.54–59.
- Загидуллин И.К. Уфимский курултай 1905 года. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.
- Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М.: Наука, 2007.
- Исхаков С.М. Шамиль Захид (Загид) Шафиевич // Ислам в Москве. Энциклопедический словарь / сост. и отв. редактор Д.З. Хайретдинов. Н. Новгород, 2008. С.295–296.
- Садур В.Г. Татарское население Москвы (1860–1905 гг.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР (формирование, расселение и динамика культуры). М., 1987. С.26–39.
- Сенчакова Л.Т. Предисловие // Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. Сб. документов / авт.-сост. Л.Т. Сенчакова. М., 2000. С.3–24.
- Фархиатов М.Н. Петиции мусульман Волго-Уральского региона 1905 г.: о модернизации государственного устройства России // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.). Н. Новгород, 2012. С. 76–89.
- Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М.: Наука, 1985.
- Хайретдинов Д. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Н. Новгород, 2002.
- Хайретдинов Д.З., Мухетдинов Д.В., Маркус С.В. Алимовы // Ислам в Москве. Энциклопедический словарь / сост. и отв. редактор Д.З. Хайретдинов. Н. Новгород, 2008. С.12–13.
- Хайретдинов Д.З. Соборная мечеть // Ислам в Москве. Энциклопедический словарь / сост. и отв. редактор Д.З. Хайретдинов. Н. Новгород, 2008. С. 236–237.
- Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. М.: Наука, 1965.

REFERENCES

- Farkhshatov M.N. (2012) Petitions of Muslims of the Volga-Ural region in 1905: on the modernisation of the state structure of Russia. In: Confessions in the mirror: interfaith relations in the center of Eurasia (the case of the Volga-Ural region –18th–21st centuries). Nizhny Novgorod: 76–89. (In Russ.)
- Iskhakov S.M. (2007) *The first Russian revolution and Muslims of the Russian Empire*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Iskhakov S.M. (2008) Shamil Zahid (Zagid) Shafievich. In: D.Z. Khayretdinov (eds.). *Islam in Moscow. Encyclopedic dictionary*. Nizhny Novgorod: 295–296. (In Russ.)
- Khasanov Kh.Kh. (1965) *The revolution of 1905–1907 in Tataria*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Khayretdinov D. (2002) *The Muslim community of Moscow in the 19th – early 20th centuries*. Nizhny Novgorod. (In Russ.)
- Khayretdinov D.Z. (2008) Cathedral Mosque. In: D.Z. Hayretdinov (ed.) *Islam in Moscow. Encyclopedic dictionary*. Nizhny Novgorod: 236–237. (In Russ.)
- Khayretdinov D.Z., Mukhetdinov D.V., Markus S.V. (2008) The Alimovs. In: D.Z. Khayretdinov (eds.). *Islam in Moscow. Encyclopedic dictionary*. Nizhny Novgorod: 12–13. (In Russ.)
- Sadur V.G. (1987) The Tatar population of Moscow (years of 1860–1905). In: *Ethnic groups in the cities of the USSR European part (formation, displacement, and cultural dynamic)*. Moscow: 26–39. (In Russ.)
- Senchakova L.T. (2000) *Preface: Sentences and orders of the peasants of Central Russia. 1905–1907*. A collection of documents. Moscow: 3–24. (In Russ.)
- Shatsillo K.F. (1985) *Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905–1907: Organization. Programmes. Tactics*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Zagidullin I.K. (2015) Petitions of Kazan Muslims of 1905. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of centuries]. No. 1–2: 54–59. (In Russ.)
- Zagidullin I.K. (2018) *Ufa Kurultay of 1905*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Zagidullin I.K. (2019) *National movement of Muslims of the Volga-Ural region in the initial period of the revolution of 1905–1907*. Kazan: Center for Innovative Technologies Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Лево-Булачная, 36а, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>; e-mail: zagik63@mail.ru

About the author: Ildus K. Zagidullin, Doctor Sc., Senior Research Fellow, Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>; e-mail: zagik63@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 26.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 20.06.2024

Принята к публикации / Accepted 13.08.2024